

ДАВИД МАРКИШ

БЫТЬ КАК ВСЕ

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(2)

**Оригинал-макет книги для PoD-издания
подготовлен ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»**

Маркиш, Д.

Быть как все. [Роман]. / Давид Маркиш. — Москва: ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2022. — 282 с.

Русскоязычный израильский прозаик Давид Маркиш — автор двух десятков книг, в которых неразрывно сплетаются русская и еврейская история и культура. Его роман «Быть как все», полный яркой и острой сатиры о правде жизни тех, кому выпало «счастье» жить «в эпоху перемен». Действие романа разворачивается на фоне перестройки и развала Советского Союза конца 1980-х — начала 1990-х годов. Герои романа на осколках империи ищут и находят свой собственный путь на Землю Обетованную: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем».

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

ISBN 978-5-521-74566-1

© Текст. Д. Маркиш, 2022
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2022

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СМЕРТЬ ДИССИДЕНТА

1

Диссидент умер на раннем рассвете; звезды только-только сошли с небес, а солнце еще не выглянуло из-за горизонта, хотя и приблизилось к нему вплотную. Диссидент умер мгновенно, если такое вообще бывает. Машина, за рулем которой он сидел, догнала грузовик со свешивавшимися через откинутый задний борт железными штырями в палец толщиной. Сквозь лобовое стекло машина накололась на сползший из кузова штырь, как мотылек на булавку. Жало штыря, рассыпав стекло, легко вошло в грудь диссидента и проткнуло его сердце. Более в машине никто не пострадал: ни жена погибшего Вера, ни симпатизировавший русским политическим эмигрантам английский журналист Майкл Уорен, сидевший сзади, но не за водителем, а наискосок от него, чтоб видеть его профиль, а не обращаться с дорожными разговорами к обросшему небрежным волосом затылку. Вначале никто не понял, что произошло — машина вильнула на довольно-таки паршивой горной дороге, двигатель ее заглох, — но это случается, — и только аккуратные кусочки лопнувшего стекла хлынули на подол Вериного платья и меж расставленных колен погибшего Саши Салганика. Миг спустя руки его разжались на руле, и тело сползло на колени Веры. Майкл Уорен неожиданно для себя увидел

простор, не загороженный спиной водителя, и габаритные огни грузовика, медленно огибающего выступ придорожной скалы.

Диссидент и правозащитник Саша Салганик, благополучно высланный из Союза в середине 70-х после очередной отсидки, направлялся через Пиренейские горы в Мадрид, на июньское совещание инициативной группы по защите прав человека. Он выехал из Парижа сутки назад не потому, что так уж любил автомобильные прогулки, а потому, что испанское посольство во Франции тянуло с въездной визой для известного диссидента. Саша увидел в этой затяжке злой умысел и, решив непременно выступить на мадридской встрече, отправился в путь без визы, но с журналистом. Ехать надо было по горным пиренейским дорогам, ночью, тайком. Даже если бы Сашу и задержали на границе, вышел бы скандал, и это было бы уже совсем неплохо; и Майкл Уорен тоже так думал. Но рубеж пересекли благополучно, на заброшенной дороге, почти тропе, вообще не было никаких пограничников — и смерть настигла Сашу уже на испанской территории.

Пока в машине недоуменно и горестно молчали, наступило утро. Крутые бока гор казались вырезанными бритвой на фоне золотистосинего неба. Майкл выбрался из машины, открыл дверцу рядом с водителем и, взяв тело Саши за плечи, потянул его наружу.

— Помогите мне! — сказал он Вере. И та послушалась, стала выталкивать тело из кабины. Голова Саши была откинута, фарфоровые голубые глаза глядели в лицо Майкла, протиснувшегося в дверцу. — Закройте же ему глаза! — сердито бросил Майкл и с изумлением увидел, как узбечка Вера перекрестилась, проведя пальцами по векам еврея Саши Салганика. Переволакивая труп на заднее сиденье машины, Майкл Уорен думал о том, что русские диссиденты, все же, странный народ и что репортаж о гибели Саши пойдет на первую полосу.

Наконец, Майкл сел за руль. Вера молчала, будто у нее отнялся язык. До ближайшего городка добрались минут через сорок. В поли-

цейском участке пришлось объяснять все по очереди: почему без виз, куда ехали, что случилось потом, что в точности вез грузовик. Засиженный мухами полицейский чиновник что-то записывал в опросный лист, звонил в Мадрид из соседней комнаты, прикрывая мембрану ладонью. Следовательно, необходимый в таких случаях, почему-то задерживался. Вера с Майклом сидели в маленьком чистом кафе напротив полицейского участка, Вера, не подымая глаз от чашки, повторяла скороговоркой: «Он умер... его нет... он умер...» Майкл, разглядывая пустую желтую площадь, думал о том, что Вера, в свои тридцать шесть лет, сохранила фигуру почти девичью. Может, это оттого, что она узбечка: предки — конные разбойники или, в лучшем случае, ночные азиатские воровы. Интересно, грудь у нее упругая или это только так кажется сквозь синюю тонкую ткань кофточки. Ай-яй-яй, вот наша жизнь! Какая-то чудовищная нелепица: пыльный грузовик, строительный штырь — и вот милая и немного таинственная женщина уже вдова, а знаменитый Александр Салганик, автор всемирно известной «Партократии», окоченеваает в камере полицейского участка богом забытого испанского городишки.

Экстренный выпуск газеты «Курьер», где Майкл Уорен служил и куда отправил первое сообщение с места происшествия, попал в советское посольство в Лондоне в тот же вечер и был внимательно прочтен от корки до корки. Известие о гибели Салганика в Пиренейских горах вызвало значительный интерес, близкий почему-то к торжеству. Шифровальщик, сопя аденоидным носом, перелопатил заметку Майкла Уорена и обширный комментарий к ней второго секретаря посольства на свой нелюдской язык, и шифровка поскакала по волнам эфира в Москву, в Большой дом на Лубянской площади. Кое-что из тайного послания было передано из Большого дома в редакции центральных газет. «Известия» на завтра же опубликовали пространную статью «Дым без огня», в которой языком жестким и категоричным доводилось до сведения читателей следующее: западные спецслужбы распускают провокационные слухи о том, что в гибели политиче-

ского отщепенца Салганика угадывается «рука Москвы», что слухи эти — плод нездоровой фантазии недругов великого Советского Союза и что компетентные органы не имеют никакого отношения к этой истории. Всякий, прочитавший статью, откладывал газету в одном и том же убеждении: «Дыма без огня не бывает, не зря они отрещиваются, замочили-таки гебешники диссидента».

Именно так подумал и хромой Хаим Бык, 82-летний житель томилинской богадельни, и молча протянул газету своему соседу по палате, бывшему кучеру графа Льва Николаевича Толстого, человеку без возраста.

Сообщение о гибели диссидента вызвало в Еврейской линии КГБ приступ служебного энтузиазма: покойник был, все же, еврейской национальности, и связи его с сионистами прослеживались, хоть и недостаточно отчетливо. Этого, однако, было вполне достаточно, чтобы начальник отдела, не мешкая, побежал к высшему руководству с предложением: сегодня же направить спецгруппу во Францию, устроить обыск в доме Салганика и тем самым показать эмиграции, кто истинный хозяин положения. После этого обыска ни у кого не останется сомнений в том, что строительный штырь был изготовлен на площади Дзержинского, и это, при полном и естественном отсутствии каких-либо доказательств, принесет пользу родной конторе и повысит ее престиж и на Западе, и дома.

Сама эта великолепная идея — произвести обыск, продемонстрировать свое присутствие — принадлежала замначальника Еврейской линии полковнику Лифшицу. Этот Лифшиц был единственным евреем на всем третьем этаже Большого дома, да и на других этажах Лубянки, включая подвальные, евреи шли наперечет. Поднимаясь на пятый этаж, к руководству, начальник Линии тепло думал о своем заместителе. И, тем не менее, брать его с собою наверх не следовало. Нечего выпячивать подчиненных на первый план, это просто неэтично.

Выслушав предложение, руководство покачало головой и спросило:

— Это твой жид, что ли, придумал? Молодец! Одобряю.

— Вы же сами говорите, товарищ генерал-майор: подбор кадров решает все, — прожурчал начальник Еврейской линии, а про себя подумал: «Черт сучий, догадался! Надо было Лифшица брать с собой, он все равно меня никогда не подсидит, с его носом».

— Ну, действуй! — приказало руководство. — А то весь эффект пропадет.

Израильское телевидение передало сообщение о гибели диссидента Салганика в ряду важнейших новостей: во-первых, покойный Александр Салганик был еврей и никогда этого не скрывал, хотя и не выпячивал, и, во-вторых, его странная гибель связывалась понимающими людьми с разбойничьими действиями советской разведки, и это само по себе имело сенсационную окраску. Убитый зонтиком несчастный болгарский инакомыслящий, потом папа римский, теперь вот Салганик. КГБ хозяйничает в Европе, как в подвалах своей Лубянки.

Тель-Авивские газеты печатали статьи об остроугольной жизни Салганика, о его пропавшем в сталинских лагерях отце, о его уважаемом дедушке ребе¹ Менделе Каценеленбогене, златопольском раввине. Второй дедушка, Хаим Бык, коротавший жизнь в разговорах с кучером Льва Толстого под сырым потолком томилинской богадельни, в статьях не упоминался. Что же до сути дела, то известные всему миру поступки диссидента были изрядно перепутаны, борьба с советским режимом отображена поверхностно, а отсидки неверно перечислены.

Газета «Весь Израиль», издающаяся по-русски в Тель-Авиве, напечатала некролог, подписанный «Родные, друзья». В этом документе

¹ Ребе (*идиш*) — титул учителя (меламеда) в иудейской начальной школе хедере. Уважительное обращение к раввину, принятое среди ашкеназских евреев. В хасидизме — титул духовного главы хасидского течения, «двора» или «династии».

друзья и родные скорбели по поводу безвременной кончины Саши Салганика — без перечисления его политических заслуг и достоинств. Была тут и фотография, хранившаяся, как видно, у кого-то из подписавших некролог: молодой Саша Салганик, улыбающийся, с сигаретой в руке.

Этот некролог, придирчиво, до буковки сверив с оригиналом, вырезал из газеты черноволосый голубоглазый здоровяк по имени Дов Шор, тридцати лет. Согнув вырезку, Дов вложил ее в почтовый конверт, адресованный Джорджу Боулу в Сан-Франциско, США. Менее года назад оба они, вместе с семьями, проживали на московской окраине, одного тогда звали Боря Бык, а другого тоже Бык, только Жора. Они были родными братьями, а Саша Салганик приходился им двоюродным братом. То было не сугубо формальное родство: как принято в еврейских патриархальных семьях, Быки в месяц хоть раз наезжали к Салганикам на обед или заглядывали на чай. На обед являлись с вином, домашними пирогами. Узбечка Вера была не в восторге от этих визитов. Братья же Боря и Жора на узбеккино недовольство внимания не обращали ни малейшего, а знаменитому двоюродному брату, только что в очередной раз вышедшему из тюрьмы или отпущенному из милиции, щедро и от всей души предлагали родственную помощь. Саша Салганик был им за это признателен: далеко не все отважные на первый взгляд и честные люди готовы были открыто общаться с диссидентом.

После скандальной высылки Саши Салганика из Союза связь между братьями пресеклась до самой эмиграции Бори и Жоры. Прибыв в свободный мир пятью годами позже Саши, в восемьдесят третьем, Быки тут же связались с осевшим к тому времени в Париже двоюродным братом, и все были рады, кроме узбечки. Саша, родная кровь, пригласил братьев погостить у него в Савое и прислал билеты на самолет. Добравшись почти без приключений, они нос к носу столкнулись на вилле с Юзей Хряповым — их племянником, сыном сестры Миры, торговавшей пивом в сибирском городе Тобольске и не

собиравшейся никуда уезжать — ей и в Сибири свободы хватало, тем более муж ее был русский, все свободное от работы на кожевенной фабрике время проводивший в бане с приятелями. Юзя, однако, пошел не в родителей. Он перебрался из Сибири в Москву, нанявшись литературным секретарем к известному писателю Трегубову, и, помогая Саше Салганику почти во всех его делах, быстро попал в поле зрения органов. После высылки своего родственника и шефа Юзя недолго просидел в Москве. Получив вызов из Израиля, он быстренько отнес его в ОВИР. Ему не чинили препятствий. ГБ желала расстаться с ним как можно скорей. Через три месяца он мирно улетел в Вену, а оттуда — в Мюнхен, где его ждала служба на радио «Свобода».

— Саша позвонил, сказал, что вы приезжаете! — радостно обнимая дядьев, сказал Юзя. — Ну, с приездом! Пошли, выпьем по рюмке. Пустили, значит, Быков в Европу? А как там дед Хаим? Жив?

— Жив, — ответил Боря. — А Саша-то где?

— Через часок будет, — кивнул Юзя. — Дела у него.

И вот теперь трое должны были встретиться на похоронах четвертого.

Майкл Уорен, в отличие от других, не любил быстрой езды. Связанный с пестрой русской колонией и дружбой, и профессиональными интересами, он бесчисленное количество раз, в ответ на свою просьбу к водителю-эмигранту не гнать, слышал, слышал пополам с веселым матом: «И какой же русский не любит быстрой езды?» Однако Николай Васильевич Гоголь с его неуместным национальным вопросом был ему совершенно нипочем: Майкл родился англичанином.

Вдумчиво выбрав по карте дорогу к Савойским Альпам и обедев позаметней точку с названием Сан-Мишель, Майкл сел за руль своего

солидного шестицилиндрового «Пежо» и выехал из Парижа на Лионскую автостраду. Как только разбросанные предместья столицы остались позади, Майкл поддал газу и, перейдя в крайний левый ряд, повысил скорость до 140. Раннее солнце слепило, Майкл опустил защитный козырек. Вилла Салганика была расположена километрах в пятнадцати от Сан-Мишеля, в горном ущелье, заросшем черными елями. Года два назад Майкл был там — приезжал на праздничное, по-русски обильное новоселье — но начисто забыл, как туда добираться. На расспросы и поиски уйдет, наверно, еще минут сорок, так что хорошо бы добраться к полудню и успеть вернуться в Париж на похороны.

Майкл гнал свой «Пежо», испуганно кося глазом на стрелку скорости. Сообщение о ночном налете на виллу Салганика он получил из собственного источника — знакомый офицер безопасности позвонил ему три часа назад, поднял с постели. Выслушав офицера, Майкл поморщился: он любил читать детективы, а не писать их. Но неизбежно было мчаться в Савою, шастать в лесу вокруг виллы и выспрашивать у местных жителей, что они видели и чего они не видели... Этот офицер так и сказал: «В контрразведке уверены, что налет — дело рук людей из КГБ». А если они там остались? Где-нибудь прячутся, а сами наблюдают, кто заинтересуется их работой? Неприятно...

Похороны уже назначены, людей съезжается немало со всего света. И каждый, каждый из них задается одним вопросом: «Убили Салганика или это просто дорожная катастрофа, жуткая случайность?» Отделаться от этого вопроса не мог, нажимая на педаль газа, и Майкл Уорен. Случайность или убийство? Штырь с тем же успехом мог пропороть и его, Майкла, и несчастную Веру, и тогда никто не сомневался бы: конечно, случайность. Но когда таким нелепым образом гибнет один из самых настойчивых врагов кремлевской диктатуры, тут и билиардный шар задумается: а не с Лубянки ли этот самый штырь? И, как бы укрепляя здравые сомнения скептиков, сообщение о налете на виллу Салганика. И вот что странно и подозрительно